

МИЛОВ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ

(1923-1991) Родился в с.Ромашково

МИЛОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА (1924 - 2001) мл.сержант .
урожд. Николаева, родилась: Вологодская обл., Чагодощенский р-н, д. Костылева Гора.

Фото И. Арчибасова.

Текст из статьи в газете «Ленинское знамя от 19.04.1990г.:

РЯДОВЫЕ ВОЙНЫ

Сначала о них рассказала медсестра Ромашковской больницы Н. Е. Зимина, детство которой пришлось на военные и первые послевоенные годы. А жила она на соседней улице, недалеко от дяди Васи и жены его — тети Шуры. В деревне дети обычно называют дядями и тетями не только родственников. Привычка эта часто настолько укореняется в сознании человека, что он и позже, уже, будучи сам в пожилом возрасте, продолжает все так же уважительно называть людей, которые запали ему в душу с ранней поры.

Правда, Нина Егоровна в ответ на мою просьбу рассказывала тогда в основном о Василии Дмитриевиче. Но в конце разговора упомянула, что и тетя Шура тоже участница войны.

— Да вот же, за мостом, и домик их, третий справа, — показала она из окна больничного корпуса.

За окном, как на огромном планшете, на белом зимнем фоне были четко вычерчены усадьбы Нижнего Ромашкова....

Здесь следует сказать, что во всем Ромашкове на сегодняшний день осталась только одна эта семья — Миловых, в которой и муж, и жена — оба защитники страны в грозную годину фашистского нашествия. Недавно еще были здесь и другие такие же семьи, но время неумолимо — уходят из жизни ветераны.

В двенадцать лет остался Василий сиротой. Жил с престарелой бабушкой и вскоре вынужден был бросить школу, прервав свое образование на трех классах, чтобы работать в колхозе. Но вмешался военкомат, и пришлось добирать в учебе: в 1938 году в пятнадцать лет окончил-таки четвертый класс, а больше уже никак нельзя было: не на что жить стало. И опять — колхоз.

— В то воскресенье мы с мужиками были на покосе, — рассказывает Василий Дмитриевич. — Глядим, кладовщик наш, Лайков Александр Иванович, никогда на лошади не ездил — все на ногах, а тут прет верхом. «Что-то не то, — говорю нашим мужикам. — Наверное, война». А они: «Ты что Васька?»

«Не, говорю, Лайков неспроста; скачет». А тот подъезжает: «Мужики, бросайте косить, пошли в село. Война». Собрались у сельсовета, где сейчас библиотека, и после обеда в военкомат, в Кунцево. Прошли комиссию — годный! Но часа в два ночи троих нас из Ромашкова почему-то отпустили. Пока дошли домой — уже светло. А утром бабка будит и плачет — опять повестку принесли, пока спал. И опять туда, в Кунцево. Опять: годен. И направили нас пехом в Гороховецкие лагеря. А это во Владимирской области. Ближе к Горькому. 320 километров от Москвы. Тысяч двенадцать там собралось. Такая неразбериха была... На обед становишься — «Ты

не мой! Отойди!..» Ложка не нужна была. Пока ждешь — полпайки хлеба съешь (половину оставишь, чтоб на курево обменять), а суп потом из миски выпьешь, а ложка — за обмоткой, на ноге. Так и не вынимал днями...

На последних словах Василий Дмитриевич шустро вскакивает, торопливо подходит к старому кухонному буфету, берет со столешницы и тут же хлопает на стол рядом со мной... армейскую алюминиевую миску времен войны.

— Мое приданое, — смеется Александра Алексеевна. — До сих пор служит.

Василий Дмитриевич опять в волнении суетливо берет эту миску, резко подносит ко рту и запрокидывает голову, изображая, как быстро выпивался тогда тот пустой солдатский суп.

— Ну что ты, Вася... — успокаивает его жена.

— Но так же и было! — горячится Василий Дмитриевич. — На рынок пойдешь, там много вареного шиповника продавали: «Мамаша, почему?», а сам пробуешь и пробуешь — хоть немного поешь. Прохожу мимо нашей кухни, а там горох рассыпан. Присел на корточки, собираю, ем. Вдруг — идет полковник. Вскочил я. «Попался», — думаю. А он увидел, наверное, по глазам, что голодный я, отвел на кухню и велел накормить. В общем, много там было всякого. И заваруха была, да... Приехало начальство: «Немедленно разобраться! Людей на войну готовим, а тут что?!»

— В общем, когда приехали набирать в гвардейскую разведку, — продолжает уже более спокойно Василий Дмитриевич, — я сразу изъявил желание. Немец-то уже бомбил...

Их направили в Горький, где они два месяца ускоренно проходили спецподготовку (занятия проводились только по ночам). Потом — под Ленинград («на блокаду», как говорит сейчас Василий Дмитриевич).

— Мы от Тихвина шли. Тяжело там было. Население по 125 граммов хлеба получало. Моряки прислали жителям как-то продукты, а один наловчился продавать. Ну, мы его пристрелили.. Лягушек, собак, кошек там не было — всех поели...

— Я кошек ела — мясо белое, как у кролика... — это уже Александра Алексеевна вставляет свое слово.

— Поймаешь лягушку, раздерешь ее, — вроде и не слыша жену, неторопливо ведет рассказ хозяин и одновременно очень достоверно показывает, как это делалось, — еще посмотришь, какую половину себе, какую — товарищу, и... сырую!.. Позже, в военкомате в Кунцеве, один полковник аж заплакал при моем рассказе... Да-аа... А там что: ходили в разведку. Расположение вражеских войск, минных полей выясняли. Намечали, где пройти пехоте, где машинам, технике, — там же болотистые места. Досталось там нашему брату...

После первого ранения — в предплечье левой руки Василий Дмитриевич остался в строю, продолжал ходить в разведку. Но вскоре был контужен с потерей речи и ранен в кисть правой руки. Из полевого госпиталя и санитарном поезде перевезли его Москву. А здесь...

— Всем приехавшим сразу перевязки, — говорит Василий Дмитриевич, — а мне: «Будем разговаривать...» Я к ребятам: так и так.., а они: «У тебя не самострел?..» — «Вы что, говорю. какой самострел?! Рядом товарищи были — видели». Вот сделали рентген и заявляют: «Ампутировать - гангрена». «А как?» — спрашиваю! «Ниже локтя». Я опять к ребятам. «Что ж, говорят, если другого выхода нет...» - «А как же я? У меня ж старуха — без года 80...» — «А что делать, отвечают. Об жизни думай, а без руки жить то еще можно...». Через месяц — снова гангрена, пришлось ему, после длительных метаний да советов со своими товарищами по палате, опять отдаться в руки врачей. Теперь уже полностью вычленили правую руку в плечевом суставе.

— Очнулся я после наркоза, пощупал плечо и... заплакал. Потом чуть примирился — куда денешься — и на обходе даже пошутил: «Доктор, говорю, ровнее сострогать нельзя было?» «Нет, говорит, но дальше эта гадость не пойдет». А куда дальше? Плечо ровное, как стол, стало.

Долго не затягивалась рана — слишком большая площадь ее была. Несколько раз приходилось брать кожу с ног и приживлять.

Без малого год прошел со времени ранения до того дня, когда вышел он из больницы на Ленинградском проспекте и приехал домой.

А дома — шаром покати. Сразу же пошел в колхоз. Трудно было управляться одной левой. Но сила была и ловкость. А главное —

жажда была до работы. И этой своей рукой он научился делать все! Да зачастую так, позже, когда после войны начали возвращаться односельчане, мало кто и с двумя руками мог лучше его выполнить большинство крестьянских и хозяйственных работ. А уж стога вершить — так точно, никто во всей деревне не в состоянии был так добротнo и картинно, как это делал Василий. На загляденье стога были! И на косилках он работал, и на жнейках.

— А как же?! — удивляется Василий Дмитриевич. — Трудодень надо заработать. Тут уж как хочешь, а нажимай! Жмешь до упора!

Осенью он один (сам и лошадь запрягал) подпахивал картошку на 40 копальщиц («Нагоню один конец, 40 гряд, а потом дальше...»)

26 лет и 2 месяца (с перерывом на войну) отработал Василий Дмитриевич в колхозе (позже в совхозе «Матвеевский») и всегда был на хорошем счету и у товарищей по работе, и у начальства. Вот и медаль «В память 800-летия Москвы» в 1948 году получена им как признание трудовой его доблести. Там же, в колхозе, он стал членом партии.

В 1967 году перешел работать конюхом в Ромашковскую больницу и еще 13 лет отработал здесь.

— Чистота у него в конюшне была... — говорила мне Н. Е. Зимина. — Вот не поверите, не у каждой деревенской хозяйки на кухне так чисто бывает, как было у дяди Васи в конюшне. Пол — всегда блестел! Упряжь — всегда исправна, все подогнано, все в порядке... А Ласка-то, Ласка его — так и играет, бывало, так и лоснится! Чистенькая, ухоженная!..

Но все чаще и чаще одолевали недуги — аукалась война. В 1980 году пришлось уйти на отдых.

— А ушел дядя Вася, — продолжала Нина Егоровна, — и как-то поникла Ласка. Захирела. Шерсть на ней пошла клочьями. А потом и не знаю даже, куда ее девали.

— Да-а... — вздыхает Василий Дмитриевич. — Поработал... А сейчас вот без таблеток — ни дня. Каждый месяц в больницу хожу за рецептом, в аптеку — за лекарствами. Врачи-то у нас внимательные, особенно Берта Львовна, Марья Петровна. Ольга Владимировна... По два раза в год на обследование вызывают, часто лежать приходится. И Светлана Николаевна в аптеке тоже всегда с пониманием относится. Спасибо им всем. А вот комиссия тут какая-то в больницу приезжала: «Ты много таблеток берешь...» Ну, я им по-нашему объяснил — успокоились!

Случилось, что заболела Светлана Николаевна (она живет в другом населенном пункте), и аптека почти месяц была закрыта. Для Василия Дмитриевича — это беда. Сильнодействующее лекарство, без которого он не может жить и дня, заканчивалось. Поехал в аптеку в Рабочий поселок, в Москву. С трудом добрался. А там ему: «Вам надо получать в своем районе». Чуть сдержал больной человек накипевшую обиду. «Эх, вы! — только и сказал в сердцах. — Я воевал не за район, а за Россию!».

В другой раз, когда поехал в Москву за продуктами и зашел в магазин для ветеранов, там ему тоже от ворот поворот: у вас, мол, в районе должен быть свой такой магазин. «А если у нас его нет? — взорвался Василий Дмитриевич. — А как снабжают Москву и как нас?.. Что ж вы тогда нас, сельских на войну брали? Воевали бы городскими! Так нет — тогда не разбирались, а сейчас делить начали. Обидно это!»

А то еще как-то свой, местный, в магазине позавидовал: «У вас хоть заказы есть...». Ох, как запекло в груди! Трудно стало дышать, и сорвался ветеран: «Забери все эти... мои... привилегии. Но только с увечьем моим забери!.. С моими болячками!.. Дай мне твое здоровье, отдай свою руку — я работать пойду! Даже и без руки — только здоровье дай! Я без работы не могу!...».

— Да что я про себя все, вот Шура тоже воевала. А я пойду, покурю, — спохватывается Василий Дмитриевич.

— Нервный стал, — сказала Александра Алексеевна, когда закрылась дверь, и поведала свою историю...

В августе сорок первого Шура еще убирала своим комбайном хлеба, но фашисты уже захватили Псков, Новгород... В сентябре ее мобилизовали на трудовой фронт, а было ей только 17.

В конце 1942 года тяжело заболела и попала в санчасть. После выздоровления ее направили на пересыльный пункт в Вологду, а оттуда — в Москву, в войска ПВО. Здесь ее определили водителем лебедочной машины — мотористом в 10-й полк аэростатов заграждения. Сначала поселили в церкви за Моссоветом, потом в церкви в Очакове. Позже часть располагалась в Немчиновке, в Ромашкове, Аминьеве, Михалкове, Марфине...

Это только несведущим служба в ПВО кажется легкой. А сколько их погибло, защитников московского неба при вражеских налетах и при работе с аэростатами. Чуть какой недосмотр, ошибка — и сорвавшийся аэростат уносит в небо запутавшуюся в стропах жертву...

Позже, 9 мая 1980 года, Александра Алексеевна получит нагрудный знак «Ветерану 1-го корпуса ПВО».

— Помню тетю Шуру во время войны, — рассказывала Н. Е. Зиминая. — Молодая, красивая, в военной форме — подтянутая. Помню, как проходили они (девушки из войск ПВО) по деревне с этими... с колбасками.

— С газгольдерами из прорезиненной ткани, — смеется Александра Алексеевна. — Наполняли их газом, и они напоминали огромные колбасы. За нами всегда ребяташки увивались: «Тетя, дай колбаски...».

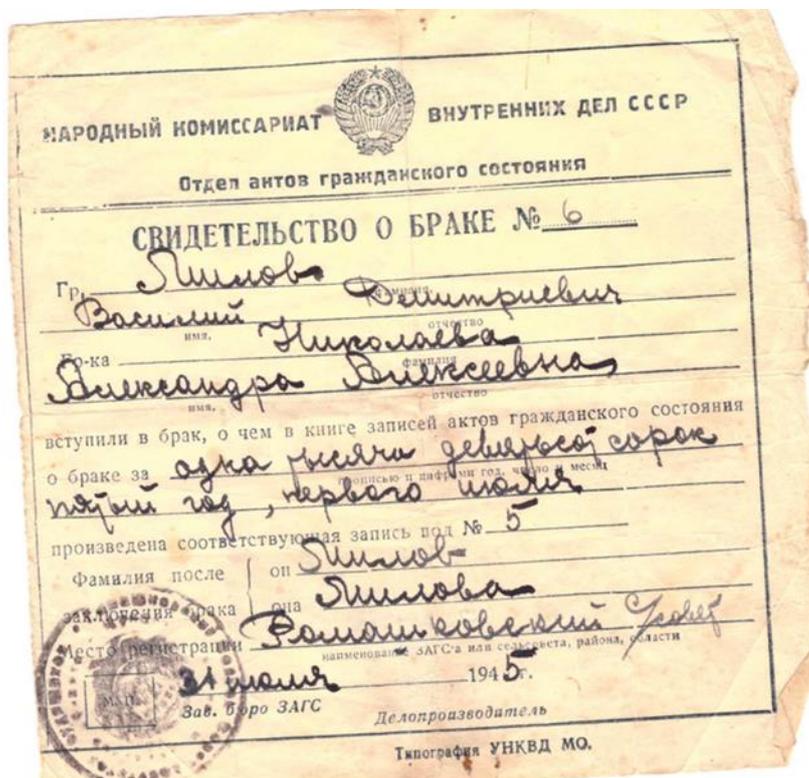
В сорок четвертом в Ромашкове они и встретились. В сорок пятом — поженились. «Сошлись», — говорит сидящая передо мной пожилая женщина и показывает свою, бережно хранящуюся красноармейскую книжку с надписью на первой странице: «Хлебом удовл. до 1 августа, продуктами до 29 августа 45-го».

Книжка эта старая — очень интересный человеческий документ. Кроме раздела «Вооружение и техническое имущество», в котором значатся сначала винтовка, потом карабин и противогаз, есть в ней раздел «Вещевое имущество», где перечислено все, что имела на себе и при себе младший сержант Николаева (фамилия Александры Алексеевны до замужества) — от летних и зимних портянок и сапог до берета и бюстгалтера. Есть там чулки х/б и чулки п/ш, шаровары ватные и перчатки теплые, юбка, шинель и др. И тут же, на последней странице «вещевого имущества», — жирный, не

поблекший за долгие годы штамп: «Зарегистрирован брак с Миловым Василием Дмитриевичем 1 июля 1945 года».

— А приданого у меня было: котелок, миска, ложка да две пары белья: одна на себе и одна — на пересменку. Жалко: котелок и ложка где-то затерялись, а миска — вот она... В доме спать было не на чем. Вася сколотил топчан с бортами, заложили туда солому — так и спали в одежде: ни простыни, ни одеяла, ни подушки. Потом уже где-то раздобыла кусок материи, пошила сеник и наволочку — набили их опять же соломой. Из шинели сшила себе пальто. А работала уже в колхозе на общих работах — техники-то не было.

Потом перешла в Москву в булочную, но недолго проработала — в сорок седьмом году родилась дочь, а через два года и сын. Устроилась в Москве в больницу санитаркой — на скользящий график, через какое-то время там же начала работать поваром. В 1977 году ликвидировали стационар, и она пошла на фабрику «Ява» сортировщицей табака. С декабря 1979 года — на пенсии. Теперь ее забота — внуки.

У супругов Миловых родилось двое детей Лидия 1947 г.р., и Алексей 1949 г.р., внуки и правнуки:

- У Лидии дети :
 - Виктория и от неё правнучка Кристина
 - Геннадий, от него правнук Роман
- Алексей, у него
- Игорь, от него правнук Алексей

Разлучила супругов-фронтовиков только смерть:

МИЛОВ ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ (1923-1991) похоронен в с.Ромашково

МИЛОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА (1924 – 2001) похоронена в д.Лайково.

• Люди и судьбы

ОТ АВТОРА СТАТЬИ В ГАЗЕТЕ Л. ТРИЗНО:

Все дальше и дальше уходят от нас годы военного лихолетья. И все более раскрепощенно пишем мы о том времени. Все меньше барабанных, фанфарных реляций — все больше настоящего лица войны. Со всеми подлинными ежедневными, ежеминутными трудностями. Со всеми невзгодами и болями тех дней.

Конечно же, многие хорошо знали истинную, неприукрашенную суть войны. Но, как правило, говорили откровенно только на кухнях да иногда еще в больничных палатах, отнюдь не надеясь, что правда выплеснется когда-нибудь в нашей стране на печатные страницы.

Что греха таить, если кто-то из ветеранов и отваживался рассказать в недалеком прошлом какие-то жуткие и жестокие подробности, какие-то страшные, «негероические» эпизоды, то журналисты, как правило, исключали все то, что «травмировало» советскую душу (все чаще говорим, к сожалению, именно о советской, а не о русской душе). Ну, а уж

если журналисты или авторы мемуаров и включали такие душераздирающие эпизоды и подробности, то — будьте уверены! — редакторы подобное не пропускали ни под каким соусом! Не потому ли сейчас и выходит новое издание мемуаров маршала Жукова с не печатавшимися ранее страницами.

В предлагаемом очерке я сохранил все эпизоды и детали в том виде, как это рассказали мои герои.